

A painting of a man with red hair riding a white horse through a landscape. The man is wearing a grey tunic and a dark cape. The horse is galloping towards the viewer. In the background, there are ruins of a city and a large, bright sun or moon in the sky.

Валерий Вайнин

легенда

о

Рыжем
герцоге

Валерий Вайнин

Легенда о Рыжем герцоге

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390022

ISBN 9785448529757

Аннотация

Романтическая история о странном рыжем герцоге, жившем в средневековой Англии и отвергавшем жестокие законы того времени. Для эффективной борьбы со злом Рыжий Герцог надевает маску грубой глупости. С этой маской на лице он спасает людей, попавших в беду... Как бы случайно, чтобы никто не догадался, что это сделал он. Маска спасает его от разных убийц – лесных разбойников и рыцарей, но не спасает, когда он влюбился. Герцог поверил, что кому-то можно рассказать о своей тайне...

Содержание

Вместо вступления...	5
Глава I. Драка в «Гусиной печени»	14
Глава II. В замке горбуна	36
Глава III. Опять рыжий	49
Глава IV. Скверные новости	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Легенда о Рыжем герцоге

Валерий Вайнин

Иллюстратор Анна Куманова

© Валерий Вайнин, 2017

© Анна Куманова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2975-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо вступления...

Дождь усердно портил субботу. Но только не для мистера Пайнсона, сидящего в кресле у камина. Для того, кто умеет наслаждаться одиночеством, огонь (в комнате) и непогода (за окном) – истинные друзья. Так что Алан Пайнсон в отсутствие жены и дочерей отнюдь не скучал. Раскрытая книга лежала на его коленях, портрет в золочёной раме висел напротив – словом, всё было в порядке. Но, как бы затем, чтобы в этом убедиться, мистер Пайнсон время от времени вставал, делал несколько шагов к портрету и почтительно замирал. С потемневшего полотна ему иронически улыбался старый джентльмен с пронизательным взглядом и львиной гривой седых волос. Самого Алана Пайнсона следовало бы считать абсолютно лысым, если б не короткие торчащие волоски, в беспорядке разбросанные по гладкому черепу. На носу красовалась внушительная бородавка с подобной же растительностью. Более всего сей господин походил на кактус, колючий кактус с голубыми глазами. И, надо полагать, у старого джентльмена в золочёной раме, которого (вопреки достоверности) Пайнсон величал своим прадедом, имелись веские причины для иронии. «Да, сэр! – сокрушённо вздыхал самозванный правнук, в очередной раз откладывая книгу. – Мы живём пресно... Мы малокровны и немощны, сэр!» Но высокомерный сэр лишь кривил в усмешке губы, и его неудо-

влетворённому потомку не оставалось ничего другого, как вновь приняться за роман о чужих страстях и неурядицах.

Когда звонок задребезжал в первый раз, мистер Пайнсон лениво прикинул сквозь дрёму: дверь или телефон? И, не придя ни к какому заключению, даже не шевельнулся. Второй звонок более длинный и настойчивый, заставил его вскочить и накинуть на плечи плед. Проклятый тапок опять куда-то подевался. Опираясь на правую ногу, Пайнсон сомнамбулически шарил по полу левой. Тут его, словно бичом, хлестнул третий звонок. И нога наконец попала в тапок.

– Да иду же, иду! – возвестил он, спускаясь по скрипучим ступенькам. Если Эмма вернулась на день раньше, значит поругалась со своей матерью и на него обрушится ураган жалоб с цитатами из семейной хроники.

Однако, распахнув дверь, Пайнсон увидел на крыльце вовсе не жену с девочками, а высокого незнакомца в светлом плаще.

– Тысяча извинений, сэръ. – Незнакомец приподнял шляпу, с которой текла вода. – Если б не свет в вашем окне, я бы ни за что не отважился...

Нотариус Пайнсон (с клиентами – сама предупредительность) в досаде не сумел из себя выдать ничего, кроме невнятного: чем обязан? Незнакомец смутился еще более, и, казалось, сделал над собой отчаянное усилие, чтобы не обратиться в бегство.

– Присматривал я здесь неподалеку участок под застрой-

ку... по объявлению. И когда собрался уезжать, стемнело. А тут еще эти хляби небесные. Короче, я заблудился, сэр. Не будете ли вы столь добры, не укажете ли мне дорогу к станции?

Манеры этого человека и его трогательная беспомощность пробудили в нотариусе несколько запоздалое сочувствие.

– Зайдите, пожалуйста. Через порог как-то не очень.

– О, не стоит беспокоиться!.. Впрочем, благодарю! – Близоруко щурясь, незнакомец шагнул в освещённую переднюю. Он выглядел пожилым щёголем. Намокшие усы, свисающие как мышинные хвостики, придавали его лицу комически-скорбное выражение. – Мне, право, неловко. Но мою назойливость, возможно, в какой-то мере извиняют обстоятельства.

Вдруг Пайнсон ощутил в груди что-то наподобие ожога.

– Бэрбидж... Боже мой, Сэмюэль Бэрбидж! – цепенея от восторга, пролепетал он.

– Мы встречались? – живо поинтересовался незванный гость.

– О нет! Ваше фото на титуле! Ведь случается же такое! Сию минуту, перед самым вашим... визитом, я с наслаждением читал «Осенние призраки»!

– Вот как? Действительно занятно, – улыбнулся мистер Бэрбидж. – Хотя насчёт наслаждения, полагаю, вы... так, просто из любезности.

– Сэр! – Хозяин дома ударил себя в ключицу, и плед свалился с его плеча. – У меня есть одно, вероятно, единственное, достоинство: я не льстец. Ваша фантазия, сэр, образно говоря, хватает меня за шиворот и влечет... влечёт, куда ей заблагорассудится!

– Не очень-то вежливо с её стороны! – Гость от души рассмеялся. В нем произошла меж тем неуловимая перемена: из робкого бесприютного путника он превратился в снисходительного принца крови, который иной раз позволяет себе поднять с пола плед и дружески вручить его преданному вассалу. – Но не будьте столь рассеяны, господин мечтатель. С моего плаща натекло целое море.

– Пустяки, – отмахнулся Пайнсон. – Случаются же совпадения. Сижу себе, читаю «Осенние призраки» – и вдруг звонок. Это судьба, сэр.

– Ну, если судьба, тогда, – мистер Бэрбидж эффектно выдержал паузу, – позвольте я надпишу вам свой опус.

– Боже мой! Вот это сюрприз! – У нотариуса аж дыхание зашлось. Соколом взлетел он вверх по лестнице и кубарем скатился вниз, держа в руках книгу.

– Ваше имя? – Писатель достал из пиджака авторучку.

– Э-э... Пайнсон. Алан Пайнсон.

Бэрбидж на мгновение задумался, затем размашисто начеркал по диагонали титула: «Алану Пайнсону – ценителю, чуждому лести. От заблудившегося автора.» Ниже – число и роспись.

– Вот спасибо! – Нотариус торжественно принял книгу. Перечитав надпись в пятый или в шестой раз, он хлопнул себя по лбу. – Простите, сэр! А почему бы нам не просушить ваш плащ и ботинки?! Если вы располагаете временем, я почту за счастье...

– Ну, торопиться мне теперь совершенно некуда, – вздохнул знаменитый писатель. – Все равно вечер, что называется, коту под хвост. Но это, однако, не означает, что я отважусь злоупотребить вашим гостеприимством.

– Отважитесь, мистер Бэрбидж! Еще как отважитесь! – восторженно воскликнул просиявший поклонник. – Более того, сэр! Если вы решитесь, отбросив церемонии, здесь заночевать, смею заметить, это будет замечательно!

– Ей-богу, Пайнсон, вы прелесть. Но, право, это уже чересчур. Вы явно переоцениваете мое нахальство.

– Какое к чертям нахальство?! – Расходившийся нотариус даже ногой притопнул. Волосинки на его лысин топорщились, голубые глаза сверкали. – На дворе такой ливень – собаку выпустить жалко. И притом я совершенно один: жена и обе дочери вернуться не раньше утра. Никаких церемоний, сэр! У меня превосходный коньяк. И, если хотите, можем сварить глинтвейн.

Уговаривая писателя остаться, Пайнсон еще не преследовал определенной цели и действовал как бы по наитию. Но, когда Сэмюэль Бэрбидж, прохаживаясь по комнате в домашней куртке и толстых вязаных носках, принялся рассматри-

вать портрет, Пайнсона словно что-то подтолкнуло. А что, подумал он, если...

– Красивый, величественный старик, – восхищенно проговорил мистер Бэрбидж. А старик взирал на него со своей застывшей иронической улыбкой, которая в багровых отблесках гаснущего камина казалась просто издевательской.

– Мой прадед, – скромно объявил нотариус и бросил в огонь пару увесистых поленьев.

– Вот как? – Гость перевел взгляд с портрета на Алана Пайнсона, присевшего на корточки и помешивающего кочергой угли. Узенькие плечи «правнука» и его сверкающая сквозь случайные волоски лысина (не говоря уж о бородавке на носу) вряд ли имели шанс показаться кому-либо привлекательными. И Бэрбидж поспешил заверить: – Кое-какое сходство, на мой взгляд, между вами безусловно...

– К сожалению, никакого, – перебил нотариус, продолжая рассеянно шуровать кочергой. Меж тем в его голове один за другим возникали и рушились самые дерзкие планы. Надо было срочно что-нибудь предпринять: теперь или никогда. «Глупо торопиться, – наконец решил он в отчаянии. – Может, все само собой как-то организуется».

И вот уже гость с хозяином съели зажаренный в яйце бекон, запили его горячим глинтвейном, насладились крепким кофе с коньяком, выкурили по сигаре, а Пайнсон не продвинулся к цели еще ни на шаг.

Даже после того, как Сэмюэль Бэрбидж отказался смот-

реть по телевизору футбол и дважды (со всей присущей ему деликатностью) зевнул, незадачливый нотариус, страдающая в душе, продолжал безжалостно донимать его болтовней. Подобная «нечуткость» позволяла выиграть всего несколько минут, не более. Потом гостя все равно пришлось бы отправить в постель. Но тут, по прихоти фортуны, взгляд Бэрбиджа вновь остановился на портрете.

– Что ни говорите, а порода есть порода. Она всегда таит в себе нечто... – Оборвав эту интересную мысль, знаменитый писатель поспешно прикрыл ладонью рот. И после небольшой паузы добавил: – Признаться, дружище, от эдакого прадеда и я бы не отрекся.

У Пайнсона похолодели кончики пальцев.

– Вот кстати! – воскликнул он, будто его только что озарило. – Этот прадед оставил любопытные записи. Весьма любопытные.

– Вот как? Дневники, наверное? – насторожился мистер Бэрбидж.

– Ничего похожего. Он записал некую историю, вроде легенды. Может быть, вы сумели бы ее как-то использовать в своей работе. Если она покажется вам занимательной, я почту за честь...

– О чем речь, дружище! – Бэрбидж уже предчувствовал неизбежное, но еще сопротивлялся. – Коль скоро вы доверяете мне рукопись, я в самое ближайшее время прочту и сообщу вам...

– О нет! Так у нас ничего не выйдет, сэр. То есть, разумеется, вам я безгранично доверяю. Но рукопись в ужасном состоянии. Многое неразборчиво, расплылось... – Возбужденный нотариус перевел дыхание. – Мне, представьте, удалось воспользоваться воспоминаниями отца, которому немало порассказал дед. И все равно остались пробелы. Каюсь, мистер Бэрбидж, я заполнил их своим воображением и... все начисто переписал, все. – И Пайнсон достал с книжной полки пухлую тетрадь в клеенчатом переплете.

Сэмюэль Бэрбидж растянул губы в улыбке.

– Ну что ж... это и вправду, должно быть, любопытно. – Он уже понял, что настало время расплачиваться за ужин и ночлег. И все же (чем черт не шутит!) сделал отчаянную попытку ускользнуть. – С собой дадите? Я извещу вас не позже, чем через неделю. Напишу или позвоню.

Нотариус отмахнулся обеими руками.

– Храни вас боже, мистер Бэрбидж, от моего почерка! Он даже Эмме... жене то есть, не по зубам. Лучше я вамчитаю вслух, а вы... Но, может быть, вы хотите спать, сэр?

Это был шанс. Мгновение писатель колебался. Но вежливость (треклятая вежливость!) одержала победу.

– По натуре я сова, – вздохнул он обреченно. – Ночью привык работать, днем – отсыпаться.

– Вот и чудесно! – У Пайнсона просто камень с души свалился. – Сейчас я вам прочту, а дней через пять-шесть, если пожелаете, вышлю машинописную копию.

– Договорились, – мужественно кивнул Сэмюэль Бэрбидж. Его просохшие усы завивались на концах и напоминали теперь лиру, перевернутую вниз.

Нотариус долго сопел, прокашливался и, облизнув губы, решительно произнес:

– Легенда о рыжем герцоге. Глава первая. – Тут он густо покраснел и отер лоб. – Не судите строго, мистер Бэрбидж. Я позволил себе разбить на главы... Поверьте, для одного лишь удобства.

Откинувшись на спинку кресла, писатель рассмеялся.

– С чего бы вам трусить, коллега? Позволили – значит, позволили. Разбить на главы, кстати, уже половина дела.

Пайнсон благодарно ему улыбнулся и, глотнув напоследок побольше воздуха, начал.

Глава I. Драка в «Гусиной печени»

Дорога, извиваясь, ползла на пригорок. Из-за пригорка выглядывал краешек заходящего солнца. Поднявшийся ветерок разгонял въедливую пыль, клубы которой весь день носились за повозками и лошадьми. Двое утомленных путников жадно вдыхали долгожданную прохладу. Один из них, низенький лысый монах с острыми глазками, размашисто перекрестился и ускорил шаг.

– Куда вы так припустили, отче? – живо поинтересовался его спутник – гибкий загорелый юноша, лицо которого, казалось, выражало готовность хохотать по любому поводу. – Или вам взбрело перескочить через этот холм с разбега?

– Брось шутки, парень. – Голос святого отца напоминал не то карканье ворона, не то тележный скрип. – Иначе, клянусь Господом, ты скверно кончишь.

– Мне страшно, отче! – Юноша умело изобразил испуг. – Страшно за вас: вы клянетесь Господом направо и налево. Как бы ему это не надоело.

– Все же не так, как надоел мне ты, болтун, – проворчал монах, сдерживая улыбку. – Сколько твердить тебе: оставь свое дурацкое «отче». Я Сэм, просто Сэм. Можешь запомнить?

– Запомнить-то могу. Но язык не поворачивается. Вот если бы мы очутились в трактире... Далеко еще?

– Как раз за холмом.

– Да ну? А вы не заблуждаетесь, отче?

– Клянусь Господом, парень, ты меня...

– Молодчина, Сэм! – Юноша хлопнул монаха по плечу. –

Ну-ка, пошевеливайся! Ползешь, как сонная муха!

Он бодро зашагал вслед заходящему солнцу, и старенькая лютня в заплатадном мешке весело колотилась о его спину.

– Послал Бог попутчика! – скрипел семенящий рядом монах. – Шут гороховый!

– Угадал, Сэм, – кивнул юноша. – Я и вправду вроде шута.

Но ты смело называй меня Томом. Не обижусь.

Когда путники миновали пригорок, солнце успело спрятаться в кроны деревьев. Сумерки быстро сгущались. Однако трактир оказался на месте. Это был большущий, добротный сколоченный домина. Над входом висела косо прибитая доска. Всмотревшись, Том различил на ней неряшливо нарисованную птичью голову и скачущую надпись: «Гусиная печень».

– Коль не повезет, сожру вывеску, – пообещал юноша, сглатывая слюну.

– Бог этого не допустит, – ехидно прокаркал монах

Том толкнул дверь плечом.

– Ты за него поручился, Сэм. С тебя спросится.

От пьяных голосов и звона кружек в трактире стоял несмолкающий гул. Кисловатый запах пива и аромат тушеного мяса аппетитно щекотали ноздри. Бородатый трактир-

щик с голыми по локоть волосатыми лапами проворно сновал между скамьями. Двое вошедших путников протиснулись к пустому столу.

– У меня есть шиллинг, парень. – Монах легонько хлопнул себя по карману. – Оставь вывеску про запас.

Том смотрел на него с неподдельным изумлением.

– Неужто святой отец станет кормить шута?

Колючие глазки монаха гневно сверкнули.

– Эй, хозяин! – пронзительно крикнул он. – Два жарких и две кружки эля!

Запыхавшийся трактирщик беглым взглядом оценил его вместе с потрохами и, пряча усмешку в бороду, молча исчез. Вскоре необъятная сонная бабища грохнула перед ними дымящееся блюдо и вторым заходом принесла пиво.

Монах возвел очи к бревенчатому потолку и зашевелил губами. Его лысина тускло блестела.

– Отче, – проговорил Том, набивая рот, – сдастся мне, вы медлите там, где надо торопиться.

Запивая мясо пенящимся элем, он внимательно изучал шумливых посетителей трактира. В основном здесь пировали вилланы, ремесленники и мелкие торговцы. В затемненном углу, явно не желая привлекать внимания, одиноко расположился дворянин, возле которого суетился тощий слуга. Несмотря на духоту, дворянин оставался в плаще и шляпе, надвинутой на самые глаза. Упускать такой случай было глупо. Едва не подавившись от спешки, Том достал из мешка

лютню.

– Что ты собираешься делать? – насторожился монах.

– Немного подзаработать. Если повезет, напьемся в лучшем виде.

Монах резко поднялся.

– Эй, хозяин! – Он припечатал к столу шиллинг, и трактирщик вырос, как из-под земли. – Получи с нас!.. Храни тебя Бог, парень, я уйду.

– Ты чего это, Сэм? Чудной ты какой-то.

Монах сделал несколько шагов и обернулся.

– Заруби себе на носу, парень: у каждого зверя своя шкура. Один разгуливает в бархате, другой – в рясе, третий скалит зубы из-под лохмотьев. А выпусти их нагишом, так все они, клянусь Господом... – Безнадежно махнув рукой, он вышел.

Том озадаченно смотрел на дверь. «Эк завернул!» – с усмешкой пробормотал он. В это время несколько пьяниц жалобно затянули песню о девочке-сиротке, рыдающей на могиле матери. Их осипшие голоса никак не могли попасть в лад. Но Том все же различил мотив и мгновенно подобрал его на лютне. Раскрасневшиеся добродушные рожи, как по команде, повернулись в сторону музыканта. Том заиграл громче. Они блаженно заорали, старательно подражая плачу сироты. Кое-кто и сам уже начал всхлипывать.

Когда песня кончилась, Тома наперебой стали подзывать и предлагать угощение. Но он, как бы не слыша, вновь ударил

по струнам и перекувыркнулся в воздухе. За его спиной восторженно взвизгнула женщина. И он с комической серьезностью запел о доблестном рыцаре Джоне, который отправился воевать с сарацинами и бежал от огородного пугала. Вокруг смеялись и отбивали такт кружками. А когда Том наглядно изобразил падение рыцаря с лошади, трактир наполнился одобрительным ревом. Среди общего веселья лишь дворянин в темном углу сохранял невозмутимость. И все же Том ему первому протянул пустую кружку.

– Не желает ли сэръ купить песенку? Хотя бы духовного содержания.

– Не желаю, – подняв голубые глаза, отрубил дворянин.

Ни разу в жизни Тому еще не доводилось встречать подобного лица: величественные, благородные черты его словно замерзли, образовав маску непроходимой глупости.

– Тогда, может, хотите про любовь королевича к прекрасной пастушке?

– Не хочу. Отвяжись.

– А-а, понимаю! Вам по душе песни о ратных подвигах! У меня их полный мешок.

– Ступай прочь: надоел. – Дворянин лениво ковырял в зубах.

Том почтительно поклонился и, пятясь, продекламировал:

Один осел,

*надев камзол,
забыл свою родню...*

По столам легким ветерком пробежал смешок. Дворянин с тупым изумлением уставился на слугу.

– Это про меня, Фредди?

Старый слуга с нечесанными седыми космами собачонкой заюлил перед господином.

– Нет-нет, ваша милость. Разве он посмеет? Он так... болтает сам с собой. – Слуга дернул головой в сторону Тома, будто намеревался клюнуть его своим крючковатым носом. – Убирайся бродяга! Видишь, их милость не в духе!

– Убирайся, я не в духе. – Дворянин рыгнул и возобновил ковыряние в зубах

«Ну и дубина, – удивился про себя Том. – Даже дразнить его скучно». Обойдя столы, Том насобиравал с четверть кружки мелочи. Это превышало его расчеты. К тому же трактирщик шепнул ему, щекотнув бородой ухо: «Заходи почаще. Ужин бесплатно». А это уж и вовсе было неплохо.

Весело вскочив на скамью, Том запел о красоте Мэри, которая вышла как-то вечером прогуляться и вернулась с грудным младенцем на руках; и когда дотошный отец пристал с расспросами, девушка простодушно поведала, что ребенка ей подарил каноник в награду за ангельскую кротость и послушание. Эту песенку сопровождали оглушительный хохот и восклицания: «Ах чтоб тебя!.. Вот погибает –

не разогнешь!.. Ну и чешет, собачий сын!» Иной раз какой-нибудь размякший детина игриво щипал свою подружку, и та, вскрикивая от полноты чувств, отвечала ему нежной затрещиной.

Среди звона кружек и песен мало кто обратил внимание, как в распахнутую ударом ноги дверь ввалилась новая троица. Лишь трактирщик, глянув на вошедших, опустил голову и весь как-то сник.

– Ты что же, борода, друзей не узнаешь?! – покрывая шум, рывкнул сухопарый молодчик в дырявой шляпе. – Так я тебе живо напомним!

– Полегче, Тихоня, полегче. – Неимоверный величины толстяк пошуровал пальцем у себя в ухе. – Ты, Тихоня, все молчишь, молчишь, а заговоришь – прямо как дубиной по башке. С человеком надо беседовать вежливо, не то он, – толстяк кивнул на побелевшего хозяина, – возьмет да рассердится, и прогонит нас. Правда, дядя?

– Добрым гостям всегда рад, – осклабился трактирщик. – Как поживаешь, Стив – колотушка? Сколько ребер успел наломать?

Младший из троицы, белесый парняга – в разодранной рубахе и без переднего зуба – мрачно усмехнулся.

– Не считал. Но, сдается мне, до сотни чуток не хватает.

– Почему он не спрашивает, как я поживаю?! – медведем взревел сухопарый.

Толстяк болезненно скривился.

– Не обижайся на Тихоню, дядя. Жаркий был нынче день, проголодался он.

В этот момент сонная баба с кружками эля, колыхая формами, проплыла между ними. С неожиданным проворством толстяк извернулся и задрал на ней юбку. Баба как ни в чем не бывало продолжала свой путь. Закатив глаза, толстяк чмокнул губами. Его дружки раскатисто заржали.

– Лучше без скандала, ребята, – проговорил трактирщик, глядя в пол. – Садитесь, я угощаю.

– Зачем скандал? Какой скандал? – умильно заворковал толстяк. – Слышишь, Тихоня?! Не смей больше орать! Все-таки мы в гостях, здесь все-таки музыка и... вон какие крошки сюда забредают!

– Где? – Тихоня заинтересованно вытянул шею.

– Вон там, рядом с деревенщиной в полотняной рубахе. Ну как, разглядел?

Стив – колотушка ткнул пальцем толстяку в брюхо.

– Все, Бочонок, кончай. Садись, пока угощают. А то, – он подмигнул трактирщику, – хозяин чего доброго передумает.

В то время как удалая тройца набросилась на копченую грудинку, Том разыгрывал в лицах ссору монаха с чертом. Хохочущие зрители окружили его плотным кольцом. И как только святой отец своей бранью загнал нечистого в кувшин со сметаной, Том подбросил в воздух лютню и задорно объявил: «Песня о волке».

Тут Пайнсон прервал чтение и посмотрел на утонувшего в кресле писателя. Сэмюэль Бэрбидж поощрительно кивнул.

– А что если... – пробормотал нотариус и, отложив тетрадь, выбежал из комнаты. Вернулся он с гитарой в руках. – А что если мы, так сказать, оживим спектакль? Как вы на это посмотрите, сэр?

– Это не мое шоу. – Мистер Бэрбидж тонко улыбнулся. – Читаете вы, должен заметить, весьма выразительно. Остальное – дело вашего вкуса.

Пайнсон взял несколько аккордов.

– Тогда, пожалуй, рискну. Том по сюжету играет на лютне, а я – на гитаре. Вот и вся разница. – Прислонив тетрадь к бутылке с коньяком, нотариус хрипловато запел.

Х Х Х

*В одном краю двести лет назад
скот вовсе не ел траву:
щипали козы там виноград,
вкушали быки халву.*

*Овечки нежные в том краю
давали не шерсть, а шелк.
И вот – поди ж ты! – в таком раю
завелся матерый волк.*

– Эй, как тебя! – проревела чья-то луженая глотка. – Давай что-нибудь повеселей!

Не обратив на этот окрик внимания, Том продолжал:

*Волк ловко путал свои следы
и как продувной подлец
не стал, каналья, вкушать плоды,
а принялся красть овец.*

*Он был огромен, валил быка
и сделался сущим злом.
Когда, к примеру, он жрал телка,
то мог закусить козлом.*

*И кровь по волчьей текла губе,
и след его вел во тьму.
Бараны к небу зывали «Бе-е!»
Коровы молились: «Му-у!»*

Кто-то сзади хлопнул Тома по плечу. Он обернулся.

– Сказано тебе: играй повеселей. – Белесый парень в разодранной рубахе почесывал бок.

Том почтительно поклонился.

– Не охота: у меня икота.

Приоткрыв дырку на месте переднего зуба, парень мрачно усмехнулся.

– Я и сам люблю пошутить. Особенно – после жратвы. – Он ткнул кулаком Тома под ребро. – Заводи: прибью.

– Двинь ему, Стив, разочек! – посоветовал тот же громоподобный голос. Его обладатель грыз баранью кость, то и де-

ло сплевывая на пол.

– Да ты рехнулся, Тихоня! – Сидящий возле него толстяк залпом осушил кружку. – Если Стив разделает глимена, нам придется плясать всухомятку.

– Черт, об этом я не подумал! Ты, Бочонок, умней Папы Римского!

Толстяк смиренно потупился.

– Ошибаешься, мой друг. Папа тоже не пальцем деланный. – Он что-то зашептал Тихоне на ухо, и тот прыснул.

– Заводи, малый, – угрюмо повторил Стив. – Бочонок плясать будет.

– Неплохо бы, – сказал Том, – сперва насадить на него обруч. Чтоб не прорвало.

Бесцветный взгляд Стива на мгновение вспыхнул.

– Насадят когда-нибудь. Веревку на шею. Но ты, кажись, до этого не доживешь. – Он ткнул Тома гораздо чувствительней.

Том, побывавший на своем коротком веку в различных переделках, счел дальнейшие пререкания излишними и заиграл плясовую. Он уже успел заметить, что народ потянулся к выходу. «Ребята Длиннорукого Клема», – испуганно произнес кто-то рядом. Эти слова отозвались многократным эхом, и столы освобождались один за другим. Трактирщик торопливо отсчитывал уходящим сдачу, а Том наябривал плясовую.

По направлению к двери шла белокурая стройная девуш-

ка в поношенном деревенском платье. За руку ее держал худенький мальчик лет шести. Сопровождал их широкоплечий веснушчатый детина, домотканая рубаха которого намокла от пота. Бочонок заступил им дорогу.

– Не убегай, крошка. Давай-ка попляшем.

– Вот еще! – Девушка попыталась его отстранить. – Обождешь пока!

– Ну уж нет, – замотал головой Бочонок. – Может, кто и обождет – только не я.

Веснушчатый детина положил ему на плечо огромную пятерню.

– Отвали подобру-поздорову. Недосуг нам с тобой плясать.

– А тебя, дубина, никто не приглашает! – Толстяк стрянул его руку с плеча. – Топай, куда цел!

– Ого! – удивился детина.

Но девушка потянула его за рукав.

– Спокойно, Стэн. Не кипятись.

– Я в порядке, Нэнси, я спокоен. – Он пихнул Бочонка в жирную грудь.

Толстяк отшатнулся. И тут же с ним рядом вырос Тихоня.

– Вижу, кто-то здесь ищет ссоры! – загремел он. – Бог свидетель, мы этого не хотели!

Подскочивший трактирщик попробовал вмешаться:

– Угощаю всех! – плаксиво вскрикивал он. – Только угомонитесь! Угомонитесь, черт бы вас побрал!

Тихоня с размаху ударил его по уху.

– Не нравишься ты мне, борода. Невзлюбил я тебя почему-то. А тебя, птенчик, – он сделал шаг к детине, прикрывшего спиной девушку с мальчиком, – я мигом выучу летать.

– А ну! – Сжав кулачищи, детина шагнул ему навстречу.

Двое дюжих ремесленников протиснулись между ними.

– Бросьте дурить, ребята, – проговорил тот, что постарше, кряжистый мужик с красным носом. – Потрепались – и basta!

Бочонок и Тихоня выхватили ножи. Том быстро сунул лютню под стол и, не найдя под рукой ничего подходящего, решил пустить в дело утяжеленную монетами кружку.

– Какой сердитый дядя! – Бочонок пощекотал острием ножа горло ремесленника. Тот судорожно глотнул. – Если ты быстренько не уберешься, чего доброго, я помру со страху.

Дважды повторять не пришлось: оба заступника, спотыкаясь, заспешили к выходу. Тот, что был помоложе, чуть задержался, злобно сплюнул и с силой захлопнул за собой дверь.

– Знаешь, Стэнли, – пролепетала девушка, – пожалуй, не будет ничего дурного, если я с ними немного попляшу.

По роже Бочонка разлилось жирное умиление.

– Давно бы так, крошка! Ты сейчас убедишься, какой я в этом деле проворный... Эй, глимен! Заснул, что ли?! – Притянув девушку за талию, Бочонок вlepил ей в шею клейкий поцелуй. Девушка слабо охнула.

– Ну нет! – яростно проревел Стэнли и ударом пудового

кулака сбил толстяка с ног.

– Неплохо для начала, – мрачно одобрил рассевшийся на столе Стив – колотушка. И в тот же миг Тихоня сделал молниеносный выпад ножом. Стэнли качнулся вбок, и клинок, проткнув рубаху, лишь оцарапал ему кожу.

Девушка закрыла лицо руками. Прижавшийся к ней дрожащий мальчик вдруг закричал тонким голоском:

– Держись, Стэн! Я иду! – Он бросился Тихоне под ноги и рванул изо всех силенок.

Тихоня пошатнулся, но устоял. Только дырявая шляпа сползла на затылок. Он рывком высвободил ногу и ударил мальчика в живот. Не издав ни звука, тот скорчился на полу. И тут же Том швырнул Тихоне в голову кружку со своим заработком. Тихоня пригнулся. Ударившись о стену, кружка разлетелась вдребезги, и монеты с веселым звоном покатались в разные стороны.

Бочонок меж тем успел прийти в себя от удара Стэна и подкрадывался к нему сзади. А Стэн не сводил замороженного взгляда с тихониного ножа.

– Спину к стенке, лопух! – крикнул Том и с разбега врезался головой Бочонку в брюхо. Ойкнув, толстяк осел. Но через мгновение у Тома потемнело в глазах от бокового удара в челюсть.

– Зубы я тебе пока оставлю, – лениво проговорил Стив-колотушка и заехал ему в переносицу. – А когда споешь – выбью обязательно.

Том отчаянно защищался: прикрывал лицо и отпрыгивал. Но уверенные жесткие кулаки настигали его всюду. Наконец, от сильного удара в живот у него перехватило дыхание, и он повалился на пол.

– Отдохни, скоро продолжим. – Стив неторопливо заправил драную рубаху в штаны.

А Стэнли тем временем попал в скверную переделку: один нож был приставлен к его горлу, другой – уперся ему промеж лопаток.

– Не надо, отпустите его, – побелевшими губами шептала девушка. – Пускай он лучше уйдет.

– Черта с два он теперь уйдет! – Тихоня дал Стэну коленкой под зад. – Мне без него скучно!

– Фи, Тихоня! – Бочонок осуждающе покачал головой. – Так и норовишь обидеть парня. Ведь и святой может потерять терпение. – Он плюнул Стэну в лицо и растер плевков ладонью.

Шумно вздохнув, Стэн часто заморгал.

Джо! – вдруг истошно закричала девушка. – Не смей, Джо!

Побитый мальчик вырвался из ее рук, метнулся к Бочонку и вцепился зубами в его палец.

Толстяк взвизгнул и отвесил мальчику оплеуху, которая отбросила его на несколько ярдов. Стиснув зубы, Стэнли глухо застонал.

Стив-колотушка отодвинул локтем рассвирепевшего Бо-

чонка.

– Вот что, парень, – он задиристо толкнул Стэна в плечо, – коли сумеешь меня вздуть, забирай свою девочку и валяй на все четыре.

Бочонок присвистнул. Его заплывшие кабаньи глазки сузились до щелок.

– Да ты часом не рехнулся, Колотушка?

Стив смерил его бесцветным взглядом.

– Отойди, я сказал. – И вновь обернулся к Стэну. – Но коли я возьму верх, девчонка наша. Идет?

– Ненужная возня, – проворчал Тихоня.

– Идет, – поспешно согласился Стэнли.

Стив мигнул друзьям, и те раздвинули опустевшие столы. Противники начали медленно сходитьсь. Стэнли на целую голову был выше Стива-колотушки и гораздо шире в плечах. Но огромные кулаки этого деревенского увальня бесцельно крушили воздух, меж тем как искусный в драке противник, ловко уворачиваясь, чувствительно бил его в грудь, по ребрам, в живот. Рыча от боли и ярости, Стэнли усиливал бесполезный натиск и быстро выматывался. Наконец он получил сокрушительный удар в подбородок, покачнулся и рухнул.

И тут же Бочонок принялся молотить его ногами. Мальчик закричал и стал рваться из рук обнимающей его девушки. Том схватил скамейку и с воплем «убью, гадина!» побежал к Бочонку. Но Тихоня подставил ему ножку, и глимен

растянулся во весь рост. Когда Том попробовал подняться, Тихоня свалил его ударом колена в лицо.

– Эй, вы там! – раздался вдруг повелительный голос. – Моему господину надоело смотреть драку! Он желает, чтобы глимен спел про волка!

Лежа на полу, Том приподнял голову: среди поваленных стволов и разбитой посуды стоял прямой, как палка, старик с нечесаными седыми космами. Это был слуга дурака – дворянина, который недавно обжирался и рыгал в углу. Вдруг, к немалому своему удивлению, Том увидел, что дворянин восседает на прежнем месте, в той же позе и с невыразимой тупостью на физиономии кивает в подтверждение слов старика.

Трое разбойников быстро переглянулись. Стив подмигнул Бочонку. Толстяк понимающе хмыкнул и, пританцовывая, приблизился к слуге.

– Не сердись, дядюшка. И попроси благородного господина, чтоб он тоже не изволил гневаться. Мы ведь не догадывались, что ему взбредет в голову оказать нам честь своим присутствием.

Старик презрительно скривил тонкие губы.

– Пускай глимен поет. Некогда мне с тобой язык чесать.

– Ах, некогда? – Толстяк масляно улыбнулся. – Очень, очень жаль. Жизнь так коротка, а мы все куда-то спешим, спешим... Правда, Тихоня?

– А то нет! – С ножом в руке Тихоня загородил выход. –

Спешка никогда к добру не ведет!

– Недурно сказано. Правда, дядюшка? Ну поразмысли сам: куда господину спешить, если, к примеру, в кармане у него ни фартинга?

– Вот болван! – внезапно рассмеялся дворянин. – Думаешь, у меня ни фартинга? А это что, по-твоему? Он достал туго набитый кошелек и покачал на ладони. – Это, болван, что? Говядина, что ли? – И, довольный своей шуткой, вновь захохотал.

– Да уж, – пробормотал Том, поднимаясь с пола, – много повидал болванов, но такого...

– Боже, как я ошибался! – Бочонок поклонился слуге. – Теперь я согласен дядюшка: твой господин должен торопиться

Старик молча обошел его, вытащил из-под стола лютню и протянул Тому.

– Давай про волка. Прямо с того места, где коровы и бараны молятся Богу.

– Господь услышал их молитву, – усмехнулся Том, пряча лютню за спину. – С тех самых пор он превращает баранов в благородных лордов.

– Пожалуй, что так, – буркнул Стэнли. Размазывая по щеке кровь, он присел на скамью рядом с перепуганной на смерть девушкой.

– Заткните свои паршивые глотки! – возопил Бочонок. – Как земля вас только носит, смутьяны! Уж будь спокоен, дя-

дюшка, мы проломим им черепушки. И петь заставим – хоть про волка, хоть про баранов – про кого прикажите. Но только... твоему господину придется поделиться с нами содержимым своего кошелька. А то нам, знаешь, тоскливо как-то.

– Кончай, Бочонок, остуди язык. – Стив отеснил его плечом и взял слугу за шиворот. – Ты понял насчет кошелька? Повторять не стану.

С неожиданной силой старик рванулся, и в пятерне разбойника остался отодранный воротник.

– Что-о?! – вскакивая, заорал дворянин. В пять прыжков он очутился перед Стивом. – Ты посмел тронуть моего слугу, падаль?!

Бесцветный взгляд Стива-колотушки потемнел от злости.

– Кто падаль? – Он сорвал с обидчика шляпу и швырнул себе под ноги.

Густые огненно-рыжие кудри дворянина взметнулись, словно языки пламени. Приоткрыв рот от изумления, он уставился на слугу.

– Фредди!.. Он посмел тронуть даже меня!

– Увы, – вздохнул слуга. – Да покарает его Господь.

– Но, Фредди, ведь за это его полагается вздернуть?

Бочонок и Тихоня загоготали.

– Угу, – мрачно усмехнулся Стив, вытирая о роскошную шляпу башмаки, – вздернут, когда придет черед. А пока, чуело, я сам подержаю тебя за нос. – Он протянул руку к лицу дворянина.

Тот перехватил ее и сжал. На мгновение оба застыли. Пытаясь освободиться, Стив багровел от натуги. Но железные пальцы держали его с такой силой, что, казалось, вот-вот раздавят кости.

– погоди, дойдем до кулачков, – просипел Стив и что есть мочи рванулся. Потом рванулся еще раз и начал медленно оседать.

Свободной рукой дворянин стал наносить ему пощечины, от которых голова разбойника моталась, как привешенная на нитке.

– Запомнишь меня, падаль! – От последней оплеухи Стив полетел под скамью и несколько футов проехал на спине.

– Ого! – азартно воскликнул Стэнли.

– Сматываться надо, – шепнул ему Том. – Самое время.

Стэнли кивнул и, украдкой оглядевшись, наклонился к уху девушки.

– Бежим, Нэнси.

Тихоня и Бочонок тем временем очнулись от столбняка и двинулись на дворянина с ножами. Тот спокойно ждал, широко расставив ноги и скрестив руки на груди. Подобное поведение показалось разбойникам подозрительным, и они решили действовать наверняка. Бочонок, выставив вперед нож, медленно наступал, а Тихоня обычным манером старался зайти со спины.

– Ко мне, рыжий, ко мне: я тебя успокою, – приближаясь, шипел Бочонок.

– Фредди, бездельник! – гаркнул дворянин. – Живо почишь мою шляпу!

– Сию минуту, сэр.

Том, Стэнли и девушка с мальчиком между тем благополучно пробрались к выходу.

– С такого балагана и уходить неохота. – Стоя уже на пороге, Том обернулся

– Смелей, рыжий! Ну, что же ты?! – хихикнул Бочонок, увидев Тихоню за спиной врага.

Рыжий быстро шагнул Бочонку навстречу, резко подался в сторону и ребром ладони ударил его по запястью. Нож выпал. И в тот же миг дворянин ухватил толстяка под мышки и легко поднял над столами.

– Точно горшок с маслом! – восхищенно проговорил Стэнли, наблюдая из-за раскрытой двери.

– Стэн! – всхлипнула в темноте девушка. – Ты, вроде, свихнулся, Стэн!

– Ей-богу, похоже на то. – Стэнли потянул Тома за рукав. – Пошли, куда целы!

Выходя, Том успел увидеть, как рыжий швырнул Бочонка на Тихоню, и оба дружка с грохотом разломали скамейку.

– Фредди! Готово?!

– Да, ваша милость. – Слуга почтительно подал дворянину шляпу.

– Хозяин, черт тебя дери! Куда ты провалился?! – Рыжий схватил трясущегося трактирщика за бороду. – Повешу, ка-

налья! Какую падаль ты к себе пускаешь!

– Я пускаю?! Да Господи!.. Ваша милость, да попробуй я только пикнуть, Длиннорукий Клем меня... Эх, ваша милость!

– Но! Поговори у меня! – Дворянин сунул трактирщику монету и направился к двери.

Выбравшийся из-под Бочонка Тихоня попытался наброситься на рыжего сзади. Но тот на ходу развернулся и заехал ему кулаком в висок. Отлетев к стене, Тихоня плавно повалился на пол.

– Падаль, – скривил губы рыжий. Дверь за ним с треском захлопнулась и сорвалась с петель.

– Ладно, сэр, ладно... – скулил Бочонок, потирая бока. – Встретимся еще. Клем с тобой посчитается.

– Заткни пасть. – Стив-колотушка потрогал шатающийся зуб и сплюнул. – Вставай, Тихоня. Отваливаем.

Тихоня не отозвался.

– Вставай, кому говорю. – Стив тряхнул его за плечо.

Тихоня был мертв.

Глава II. В замке горбуна

Свеча догорала. И призрачные блики мерцали на гобеленах. Блюдо с бараниной и глиняный кувшин медленно растворялись во мраке. Липкая сырость усиливала духоту. Отерев рукавом лоб, барон Пилсборн с бульканьем осушил кубок.

– Так-то вот. – Он ласково похлопал себя по животу. – Какого дьявола вы не пьете, Вилли? Это не по-приятельски.

– Пустяки, я свое наверстаю. – Горбун довольно высокого роста задумчиво прошаживался по зале. – Не церемоньтесь, Пит. Год назад этим самым вином славно упился король. Его Величество изволили ходить на четвереньках и лаять. Вчера я отправил ему два бочонка в подарок. Значит, герцога вы знали коротко?

– Которого? Ежели вы про чокнутого отца... – Пилсборн взял кувшин и неторопливо наполнил кубок. – Коротко его никто не знал. А после истории с женой он и вовсе в уме повредился.

– Кстати, старина! – Горбун обнял барона за плечи и заглянул в глаза. – Говорят, в том скандале вы были правой рукой сэра Роджера?

– Два черпака в ослиную глотку! Когда вы на кого-нибудь эдак оставитесь, Вилли, ей-ей, впору перекрестится!

Глубоко посаженные, зияющие чернотой глаза горбуна

насмешливо сверкнули и отодвинулись.

– И куда же он потом... пропал? Вам неизвестно, Пит? Мясистый нос барона брезгливо сморщился.

– Странствовать подался. Вместе с мальчишкой. Ох и рыжий был сыночек! Весь в мать. Ходили слухи, что во время сна их обоих прирезали сарацины.

– Да, – горбун рассеянно поглаживал подбородок, – об этом у нас много судачили.

Скрипнула дверь, и в залу впорхнула девушка с длинными распущенными волосами.

– Он мне надоел, папа! – Она гневно топнула ногой. – Я поссорюсь с ним... отстегаю плеткой!

Дверь вновь скрипнула, и вошел коренастый юноша угрюмого вида. Приблизившись к девушке, он молча встал рядом.

Горбун грозно сдвинул брови.

– Что у вас опять, Теодор?

– У нее спроси, – буркнул юноша.

– Он запрещает мне ездить верхом, папа!

– Врет. Она только что прискакала. Одна, без охраны.

Девушка сердито повернулась к нему, черным вихрем метнулись ее волосы.

– Доносчик! – Она была прекрасна, как ведьма в лунную ночь. – Шпион!

– Я шпион?! Ну-ка, повтори! – возвысил голос юноша.

Горбун положил руку ему на плечо.

– Успокойся, Тэд. Ты прав. Лили, ты должна слушаться

брата. Сама знаешь, в городе неспокойно. Он за тебя тревожиться.

– Ха! Разбойники, да?

– Иди спать, Лили. И ты ступай, Тэд. У меня с бароном важный разговор.

Теодор молча вышел.

– О, Пит! – вглядевшись в полумрак, воскликнула девушка. – Я не узнала вас.

– И я тебя скоро не узнаю. – Пилсборн хлебнул из кубка. – Когда ты ухитрилась вырасти?

– Спать, Лили, – нетерпеливо повторил горбун.

– Хорошо, папа. Но сначала я принесу вам свечи. – Упрямо тряхнув волосами, девушка исчезла во мраке.

Горбун слегка пригубил вино.

– Большие дети – большие заботы. – Он отщипнул кусочек баранины и, тщательно прожевав, проглотил. – Кажется, я говорил вам, Пит, что собираюсь продать Блюкастл сэру Роджеру? Мы уже, вроде, и в цене сошлись.

Барон одобрительно хмыкнул.

– Еще бы вам не сойтись! Сэр Роджер – не какой-нибудь скупердяй!

– Да, старина, это верно. Однако вчера я имел беседу с одним занятным плутишкой, и он сообщил... Словом, за этот замок, Пит, – вперив в барона взгляд, горбун выдержал паузу, – за этот замок герцог Эддинктон предлагает в два раза больше.

– Эддинктон?!.. Два черпака в ослиную глотку! – Пилсборн расплескал вино себе на камзол. – Неужто объявился?

– Как будто. У меня побывал пока только его жуликоватый слуга.

Лириан внесла зажженные свечи. Вздвогнув, барон прикрыл глаза ладонью.

– Это чересчур, девочка. Пощади старого филина.

– Ничего, бедный филин, привыкнете, – улыбунулась Лириан, ставя подсвечник на стол. – Папа, ты не знаешь, где Робин?

– У себя, где же ему еще быть, – задумчиво ответил горбун. Но, тут же очнувшись, уставился на дочь своим черным засасывающим взглядом. – погоди. Ты хочешь сказать, что...

Черные глаза девушки лукаво блеснули.

– Ничего я не хочу сказать. Извини, папа, но я засыпаю на ходу. Доброй ночи, Пит. – Сдерживая смех, Лириан упорхнула.

– Доброй ночи! – с некоторым опозданием крикнул ей вслед Пилсборн. – Черт побери, Вилли, кто же это? Сын или чокнутый отец?

Горбун отрицательно качнул головой.

– Нет, отца и вправду прикончили сарацины. Так сказал слуга. Кстати, слуга этот...

– Стало быть, сынок, – перебил барон, облегченно вздыхая. – Может, оно и к лучшему.

Усмехнувшись лишь уголками губ, горбун задул несколько свечей. И зала вновь погрузилась в полумрак.

– Его слуга, Пит, старая продувная бестия, сразу дал понять, что готов угодить каждому, кто хорошо заплатит. Я дал ему гинею. И он сообщил мне, что сэр Генри богат, как турецкий султан, и глуп, как пень. Если поторговаться, можно содрать с него...

Дверь с грохотом распахнулась, и двое слуг в разорванных одеждах бросились к горбуну. «Ваша милость, сэр Вильям! – лопотали они, перебивая друг друга. – Там какой-то господин! Сам дьявол, а не господин! Его легче продырявить, чем удержать! Он дерется и требует вас!»

– Что за притча? – Пилсборн сжал рукоять меча.

Горбун слегка приподнял брови.

– Не галдите, олухи. Объясните толком.

Но тут в залу ворвался высокий незнакомец в дорожном плаще. В каждой руке он тащил за шиворот по упирающемуся слуге. Еще человек пять-шесть повисло на нем, тщетно пытаясь остановить.

– Канальи! – рычал незнакомец. – Мерзавцы, я из вас дух вышибу!

Пилсборн решительно преградил ему путь. Грозная фигура барона походила на иссеченный ветрами и ливнями утес.

– Какого черта? – спросил барон, угрожающе набычась.

– А вы кто такой?! – проревел в свою очередь незванный гость. Шляпа его сидела набекрень, ноздри раздувались, во-

лосы в полумраке отливали медью.

– Этот вопрос задам вам я, – хладнокровно вмешался горбун. – Кто вы такой и по какому праву врываетесь в мой дом?

Незнакомец уставился на горбуна и, наморщив лоб, старался ухватить какую-то мысль.

– Значит, вы и есть сэр Вильям, – заключил он наконец.

Пряча усмешку, горбун кивнул.

– Совершенно справедливо. Отпустите моих людей.

– Это можно, – хохотнул незнакомец и разжал пальцы.

Двое слуг, которые до сего момента безуспешно рвались из его рук, от неожиданности повалились на пол.

Один из упавших, красивый черноглазый юноша, проворно вскочил на ноги и с перекошенным от злобы лицом повернулся к обидчику.

– Ты не выйдешь отсюда, ублюдок! Не выйдешь!

– Роберт?! – воскликнул в один голос горбун и Пилсборн.

– Искрошу на куски! Собаками затравлю! – Юноша потрясал кулаками и брызгал слюной.

Незнакомец озадаченно оглядел присутствующих.

– Что такое? Кто это?

– Это мой сын. А вот кто, собственно, вы? – Глаза горбуна сузились, голова втянулось в плечи, словно перед броском.

– Сын?! – У ночного гостя даже рот приоткрылся. – Вот так штука! Разберись-ка в этой путанице!.. Разумеется, я сожалею, сэр Вильям! И, разумеется, я извиняюсь.

– Извинениями ты у меня не отделаешься! – иступленно

вопил юноша. – Я тебя раздавлю, как блоху!

– Но-но! Полегче! Я извинился – и баста! Почему мне было знать, что вы не из холопов? Когда на меня тут все навалились...

– Послушайте! – властно перебил горбун. – Спрашиваю в последний раз: кто вы такой и что вам нужно?

– Кому? Мне? – Незнакомец снова оглядел присутствующих и вдруг хлопнул себя по лбу. – Ах, черт! Я ж не сказал!.. Мне нужно срочно купить Блюкастл. Я герцог Эддингтон.

Горбун и барон Пилсборн ошарашено переглянулись.

– Все равно! Это ничего не меняет! – хорохорился Роберт. – Я вызываю вас...

– Боже, да замолчи ты! – оборвал его горбун. И учтиво обратился к герцогу: – Надеюсь, сэръ, вы не станете брать в расчет опрометчивые слова моего сына?

– Разумеется, сэръ Вильям. Он благородный юноша. Просто в толк не возьму, как я мог принять его за слугу. И если он меня вызывает, разумеется, я должен его удовлетворить.

Горбун в досаде прикусил губу.

– Но он... он вовсе вас не вызывает, герцог. Он пошутил. Можете вы принять все это как неудачную шутку?

Герцог чуть подумал.

– Что ж, если пошутил, тогда ладно. – Он одобрительно хохотнул. – Я и сам, ей-ей, порою такое отмочу – животы надорвете.

Барон звучно фыркнул и закашлялся.

– Вот и чудесно, – улыбнулся сэр Вильям. – Ступай спать, Роберт. – Его тон не предвещал для сына ничего хорошего. Метнув на отца затравленный взгляд, Роберт вышел. – А вы чего глазеете, олухи! Убирайтесь вон!

Пятясь и сталкиваясь в дверях, слуги покинули залу. Теперь лицо горбуна приняло выражение радушия и любезности.

– Я весьма рад, герцог, вашему приходу. В первый момент, признаться, я несколько растерялся. Вы были столь стремительны в столь поздний час... Однако позвольте вам представить моего друга, барона Пилсборна.

Барон церемонно поклонился. Ответив поклоном на поклон, герцог наморщил лоб.

– Пилсборн... Покойный отец, помнится, произносил это имя. Он говорил что-то... Черт, забыл! Послушайте, сэр Вильям, к чему тянуть кота за хвост?! Вы продаете замок – я покупаю. Ударим по рукам – и баста!

Потирая подбородок, горбун задумчиво прогуливался вокруг стола. Барон жадно хлебнул из кубка и с вызовом обратился к герцогу:

– А вам разве не известно, что Блюкастл покупает сэр Роджер?

– Что с того? Я плачу больше.

– Это не по-рыцарски, сэр!

– Это почему же? – Физиономия герцога вытянулась. – Вы меня оскорбляете, что ли?

– Как вы могли подумать, милорд? – поспешил вмешаться горбун. – Барон просто хотел сказать... – он бросил на Пилсборна такой взгляд, что тот счел за благо отвернуться, – хотел напомнить о моем согласии продать замок сэру Роджеру. Но ведь согласие не есть обещание. Никаких обязательств я никому не давал. Не так ли, барон?

– Вот именно! – просиял герцог Эддингтон. – Никаких обязательств, сэр Вильям, вы никому не давали. Поэтому сейчас я плачу вам половину, а послезавтра – остальное. Фредди! Где ты, черт тебя дери?! – Слуга с нечесаными седыми космами возник по-кошачьи бесшумно и сложился в подобострастном поклоне. – Деньги, живо!

– Нет-нет, – горбун протестующе вскинул руку. – Мне надо поразмыслить до утра.

– Бросьте, сэр Вильям! Почему бы нам не уладить дела теперь же?

– Потерпите до завтра, сэр. – В голосе горбуна прозвучала непреклонность. – Замок ведь не сбежит.

Герцог приоткрыл рот, подумал... и расхохотался.

– Ну, вы и сказанули: не сбежит! Это про замок-то! Будто про собаку на привязи!

Барон тоже рассмеялся и, взглянув на сэра Вильяма, украдкой покрутил пальцем возле виска. Горбун ответил ему едва заметной улыбкой. И любезно предложил:

– Не хотите ли закусить, милорд?

– Благодарю. Я неплохо закусил в трактире. Ну и порядки

стали в Рэдлвуде. Какие-то оборванцы хотели отнять у меня деньги и даже говорили дерзости. Всех их тут надо перевешать.

Чуть склонив голову на бок, горбун с любопытством посмотрел на герцога.

– Нельзя ли узнать, сэр, где именно это произошло?

– Где именно? Гм... Фредди! Как назывался тот вертеп?

Слуга почтительно приблизился.

– «Гусиная печень», ваша милость. А тех оборванцев, если позволено мне будет напомнить, называли ребятами какого-то Длиннорукого Клема.

– Два черпака в ослиную глотку! – Барон даже кубок оставил. – Сколько людей с вами было, сэр?

Герцог высокомерно вздернул подбородок.

– Я сам. И вон – Фредди.

– Это значит, сэр, что ваш ангел-хранитель не дремал.

Герцог презрительно оттопырил нижнюю губу.

– Благородный лорд и в одиночку рассеет любую толпу этого сброда, – назидательно проговорил он. – Стало быть, сэр Вильям, сейчас вы – ни в какую? А то взяли бы задаток – и баста!

– Потерпите, милорд, до утра. Согласитесь, срок не велик. Я дам вам определенный ответ.

Вздыхнув, герцог низко надвинул на лоб шляпу.

– Ладно, сэр Вильям. Завтра я у вас буду. И не сойду с места, пока не заполучу Блюкастл. – Широким шагом он на-

правился к дверям. Но вдруг развернулся, подошел к столу и, взяв кусок холодной баранины, с жадностью вонзил в него зубы. – Приятных сновидений, рыцари! – прошамкал он набитым ртом, и в дверях мелькнул его победно развевающийся плащ.

А седовласый слуга, будто случайно, замешкался на выходе. Сэр Вильям поманил его пальцем.

– Вот что, приятель... Еще вчера ты пришелся мне по душе. – Он опустил золотой в ладонь старика. – Угождай своему господину, глаз с него не спускай. И забегай иногда ко мне за дружеским советом.

Мгновение горбун и старик пристально смотрели друг на друга.

– Я буду очень стараться, ваша милость, – сказал слуга, поклонившись. И с кошачьим проворством выскользнул за дверь.

– Ах, шельма! – глядя ему вслед, пробормотал барон.

– Для такого богатого сиятельного дурня, – усмехнулся горбун, – всегда отыщется слуга-негодяй.

– А как же Блюкастл, Вилли? Ведь сэр Роджер...

– Оставьте, Пит! Заладили, как попугай: сэр Роджер, сэр Роджер! Я ничего еще не решил. Хотя, впрочем, свою выгоду упускать не намерен.

Пилсборн обиженно засопел и в сердцах хлебнул прямо из кувшина. Кося на барона внимательным черным глазом, горбун неторопливо прохаживался по зале.

Отложив тетрадь, мистер Пайнсон налил себе коньяку и выпил. Затем он собрался было продолжить чтение, но, услышав многозначительное покашливание гостя, распахнул свои голубые глаза. Сэмюэль Бэрбидж не без интереса поглядывал на бутылку.

– О Господи, мистер Бэрбидж! – воскликнул нотариус, поспешно наполнив рюмку писателя. – Сам не знаю, что со мной происходит.

– Два черпака в ослиную глотку! – С комичной торжественностью писатель поднял рюмку. Осушив ее, он встал и подбросил в камин полено. – А разъясните-ка вы мне, милейший мистер Пайнсон, в какую же это эпоху произрастают ваши бароны, горбуны и разбойники?

– Ну, с большой точностью определить, конечно, нелегко...

– Хоть приблизительно.

– Приблизительно... это происходит в эпоху рыцарских турниров и крестовых походов.

Для Сэмюэля Бэрбиджа это было уже чересчур. Он подозрительно посмотрел на чудаковатого нотариуса, но честные глаза последнего исключали намек на розыгрыш.

– Ясно, – вздохнул писатель. – Время весьма размыто. Зато обвинения во всевозможных анахронизмах отпадают как бы сами собой.

– Вы, кажется, меня осуждаете? – Задетый за живое,

Пайнсон взволнованно поглаживал свою кактусообразную лысину. – За что, сэр? Ведь в легендах точные приметы времени утрачиваются. Да они, по сути, вовсе и не обязательны.

– Вы полагаете? – с безупречной вежливостью поинтересовался Бэрбидж.

– О Господи! Но ведь все это не я придумал! То есть... не все придумал я. Ведь записи-то, – нотариус ткнул пальцем в сторону портрета, – записи-то он оставил!

Взгляд Бэрбиджа невольно задержался на портрете. От прихотливой пляски каминного пламени величественный старец сурово насупился и, казалось, готов был треснуть кулаком по золоченой раме: «Это я оставил записи! Черт побери, я!» Улыбнувшись своей фантазии, писатель прикрыл глаза ладонью.

– Продолжим, коллега. Ваш последний довод сразил меня наповал.

– То-то же, мистер Бэрбидж, – улыбнулся в ответ нотариус, беря в руки тетрадь в клеенчатом переплете.

Глава III. Опять рыжий

Джо бодрился из последних силенок: «Эх, двинуть бы их палкой, они б сразу!.. Все из-за тебя, Нэнси! Зачем ты выкинула мою дубинку?!» Но от побоев и утомления мальчик плелся, что ни шаг спотыкаясь. Пришлось Стэну взять его на руки. А Том, тихонько насвистывая, шагал рядом, старенькая лютня привычно похлопывала его по спине. Когда Стэнли уставал нести мальчика, его брал на руки глимен. Так они подменяли друг друга. Месяц освещал знакомую лесную тропинку, и Нэнси беспокойно подгоняла: «Пошевеливайся, Стэн! Мать там небось уже все глаза проглядела!»

У Стэнли и Нэнси, как узнал по дороге Том, осенью свадьба. Сегодня, на свое злосчастье, они ходили в Рэдлвуд продавать корову. Джо, братишка Нэнси, само собой, увязался с ними. Мать сперва ни по чем не хотела его отпускать, но Стэн всегда умеет ее уговорить. Корову продали удачно, даже поели сластей на радостях. И дернул же их черт забраться в этот трактир! У Нэнси с первого взгляда не лежала к нему душа. Но коль ее жениху засядет что в башку – колом не вышибешь! «Ладно хоть деньги целы», – посмеивался Стэн и для пущей уверенности ощупывал свой карман.

Мать, конечно же, не спала. Она ждала их, стоя на крыльце. И фигурка маленькой женщины в серебристом от лунного света платке так напугала Стэна, что он невольно попя-

тился. «Ну-ка! – толкнула его Нэнси. – Заговори-ка ей теперь зубы!» – «А не повернуть ли нам обратно?» – усмехнулся незадачливый жених и крикнул бодрым голосом:

– Вот и мы, тетушка Мэри! – Он опустил на землю мальчика. – Ох и погуляли же мы!

– Молодцы, – холодно отозвалась женщина.

«Джо! – быстро шепнула Нэнси. – О драке ни слова!» – «Без тебя знаю!» – отмахнулся братишка и подбежал к матери.

– Ма! Я нашел такую дубинку, а Нэнси отняла ее и зашвырнула в реку!

– Не хитри, Джо: меня не собьешь. – Женщина погладила его лохматую головку. – Что ж ты не подходишь, Стэнли?

– Почему это?.. Я подхожу, тетушка Мэри. Вот-вот уже подойду.

– Ну, не сердись, – умоляюще проговорила Нэнси. – Продали мы Пеструху, зашли по дороге в трактир и засиделись немножко.

Женщина так и подалась в ее сторону.

– В трактир, говоришь? Засиделись? Ах ты!.. Ну-ка домой! Ах, Стэн! Ах, молодчина!

Джо и Нэнси торопливо шмыгнули в дверь.

– Пожалуй, тетушка, я завтра к вам загляну. – Стэн суетливо полез в карман и достал завернутые в тряпицу монеты. – Вот. Пересчитайте – довольны останетесь. А я лучше завтра...

– А это еще кто? – Мать Нэнси кивнула на Тома.

– Это?.. А это дружок мой, из Рэдлвудда. Помог нам покупателя найти. Само собой, он у меня заночует.

– Башковитый парень ты, Стэнли, – усмехнулась тетушка Мэри. – Да и дружок твой, видно, тебе под стать: из самого Рэдлвуда сюда ночевать поперся.

С этими словами она скрылась в доме и захлопнула дверь.

– Уф! Пронесло, кажись, – подмигнул Стэн. – Айда ко мне: подкрепимся.

Лачуга Стэна была маленькой и чистой. А у радушно-го хозяина так и чесался язык поболтать о недавней драке. Стуча кулачищем по столу, Стэнли доказывал, что он вовсе не сплоховал. А если и сплоховал, на то имелись причины. Причин, само собой, набралось изрядно. И Том, уже засыпая, едва слышал, как Стэн приводит все новые и новые.

Рано утром Нэнси принесла им козьего молока и свежих лепешек. Искоса взглянув на жениха, она фыркнула:

– Ну и красавчик! Приснится такой – упаси Боже!

Левый глаз Стэна почти совсем заплыл, лицо было в ссадинах, а на скуле сверкал огромный синячище.

Том обошелся без единой царапины, хотя у него чувствительно побаливали бок и плечо.

– Везет тебе, – вздохнул Стэн. – А мне с такой мордой лучше не высовываться. Скажи матери, Нэн: прихворнул, мол, Стэнли.

Наскоро поев, Том стал прощаться. Стэн и Нэнси вышли

его проводить.

– И чего тебе в этом Рэдлвуде? Пожил бы тут.

– Я еще забреду к вам, Стэн.

– Приходи, Том, – тихо сказала Нэнси, заливаясь румянцем.

– Обязательно, Нэнси. – Глимен улыбнулся и пропел:

Вороны каркали беду,

но, плюнув на ворон:

«Я к вам приду! Я к вам приду!» —

покаялся рыцарь Джон.

И помахав на прощание рукой, Том бодро зашагал по тропе через лес. Солнце, чуть поднявшись над макушками деревьев, уже начало припекать. Том решил идти не по самой тропинке, а рядом – под прикрытием листвы. Так было немного прохладней, но все равно хотелось пить. Однако и глименам порой судьба улыбается: сквозь несмолкаемый птичий гомон вдруг явственно донеслось журчание воды. И вот уже Том наклоняется к прозрачному ручью и пьет, пьет...

Внезапно в нескольких шагах раздались приглушенные голоса: «Неизвестно, по зубам ли ему кость.» – «Раскусит. Он набит золотом, как...» – «Ты-то почему знаешь?» – «Я ж тебе толкую: Носач как раз стоял под дверью.» – «Носач сохнет – недорого возьмет.» – «Только не в ущерб своему барышу». Говорившие примолкли, их шаги прошелестели совсем

рядом. Лежа у ручья на животе, Том замер. От неизвестных его прятала высокая трава. «Ладно, – вскоре произнес один из голосов, – я это дело обмозгую.» – «Дело не терпит. Надо торопиться!» – с досадой возразил второй. – «Вот-вот, поучи меня. Тебе, видать, ума девать некуда.» – «Я не учу, Клем. Я только...» – «Но если Носач все это наплел, я вырву ему язык. А тебе отрублю уши, чтоб знал, кому верить. Понял?» – «Да понял, Клем, понял! Ставлю уши в заклад»... Голоса стали удаляться и скоро утонули в щебете птиц.

Том проворно вскочил и отправился своей дорогой. Он сразу догадался, что судьба свела его с тем самым Длинноруким Клемом, имя которого с ужасом повторяли вчера в трактире. Жаль, не удалось его разглядеть. Но, правду сказать, спасибо и за то, что сам ему на глаза не попался. Оттуда, где разбойники строят свои козни, глимену надо шустрой уносить ноги: скоро там будет не до веселья. Может, как раз поэтому путь до Рэдлвуда не показался Тому слишком долгим. От лепешек Нэнси давно не осталось ни крошки, ненасытное брюхо, однако, вовсе не желало с этим мириться.

Очувившись в городе, Том, как всегда, первым делом разыскал базарную площадь. Несмотря на жару, народ там кишмя кишел и торговля шла бойко. Для глимена это удача, которую непростительно упускать. Хоть усталость и боль в боку давали о себе знать, Том решил немедленно приняться за работу. Вздохнув, он снял с плеча лютню. Тут взгляд его нечаянно упал на лоток с колбасами, и ноги сами понес-

ли к нему. Румяная дородная колбасница, с любопытством покосилась на загорелого юношу с лютней в руках.

– Давно меня поджидаешь, красотка? – подмигнул ей Том, стараясь не смотреть на колбасы.

– Тебя-то? – подбоченилась «красотка». – Да у меня таких – на грош дюжина.

– А не обозналась ли ты, Нэнси?

– Какая еще Нэнси? Я Бетси.

– Так вот, Бетси, мой покойный папаша часто говаривал: таких неслухов, как я, мол, на всем свете не сыщешь. Уж кому-кому, а моему папаше ты должна в этом поверить... – Запнувшись, Том сглотнул слюну. – Стало быть, таких, как я, ты больше не встречала. Ты обозналась, Бетси: я тут впервые.

– Да разве ж я сказала, что не впервые?! – Колбасница хлопнула себя по могучему бедру, – Ты, видать по всему, калач тертый. Пальца в рот я бы тебе не положила.

– И не надо, Бетси. Положи мне в рот лучше вон ту колбаску.

– Оно и понятно, – улыбнулась Бетси. – Губа-то у тебя не дура. Два пенса – и забирай вместе с привеском.

– Всего два пенса?! погоди немного, и я отдам тебе все четыре. Но, Бетси, – Том нашел в себе силы оторвать взгляд от колбас и посмотреть «красотке» в глаза, – я давно не ел. А ведь мне сейчас придется скакать через голову.

Торговка прыснула. Игриво дернув Тома за ухо, она про-

тянула ему колбасу.

– На, болтун, ешь. Так я тебе и поверила – нашел дуру. Выдумает же: через голову скакать!

Долго упрашивать себя глимен, конечно, не заставил. И пока он уплетал душистую пряную колбасу, Бетси трещала без умолку. Она говорила о соседних торговцах и о проклятой жаре, и о разных там «наглых приставалах», и о том, как однажды король... Слушая ее вполуха, Том обшаривал глазами базар, чтобы найти место для своего представления.

Вдруг, словно из-под земли, перед ним выросла тощая оборванная старуха. Протянув к нему желтую ладонь, она прошелестела сухими губами:

– Розу терзает голод. Ты накормишь Розу, не правда ли?

Ее сморщенное лицо с молодыми сияющими глазами внушало непонятный страх. Нищенка походила скорее на приведение, чем на живого человека. Том молча отдал ей остаток колбасы. Старуха жадно, обеими руками, схватила пищу.

– Роза благодарит тебя, благодарит... Ты встретишь удачу. – Вонзив в колбасу крепкие зубы, старуха засеменила во-свосяи.

Колбасница Бетси перекрестилась.

– Опять нечистый ее принес! А ты, погляжу я, добренький. Будто мой дурень Джек, царство ему небесное! На таких, как вы, только воду возить. Ну куда, скажи на милость ты пялишься? Бери вот, ешь. Эти колбаски даже монахи нахваливают.

Попробовав, глимен застонал и возвел очи к небу.

– Господи! Ниспошли рабе твоей Нэнси...

– Вот смажу по уху – небось запомнишь меня! – рассердилась торговка.

– Ниспошли, Господи, нашей Бетси, – невозмутимо поправился Том, – полный дом добра и детей!

А рядом уже назревала ссора. Двое господ, держа лошадей под уздцы и грозя опрокинуть прилавок, бранили торговца пирожками. И тот тоже не лез за словом в карман. Уперев руки в бока и воинственно выпятив пузо, он стойко выдерживал натиск.

– Чем ты их начинил, каналья?! Чем, я тебя спрашиваю?! – кричал пожилой господин, размахивая перед носом торговца надкушенным пирожком.

– Именно этот, сэр? – Торговец с достоинством принялся. – Этот с говядиной и луком. Зачем так орать, сэр?

– С говядиной, жулик?! По-твоему, я никогда говядины не пробовал?!

– Что с ним толковать, дядюшка! Позволь, я возьму его за патлы и отволоку к судье!

Но дядюшка набил себе рот пирожком и потому промычал нечто невразумительное.

– Терпение, Гай, терпение, – проговорил он, прожевав. – Все должно быть по закону: запасемся доказательствами. – И он взял другой пирожок.

Том поперхнулся колбасой. «Ловко», – сказал он, про-

кашлявшись. – «Господа Арп, чтоб их разорвало! – процедила сквозь зубы Бетси. – Опять за старое принялись, побитирушки!»

Пожилой господин меж тем жевал и кривился.

– Что ты вытворяешь, висельник! Этот – не иначе как с кошачьим мясом!

– Вы пробовали хоть кошачье мясо-то?! – злобно воскликнул торговец.

– Как ты смеешь, наглая рожа!

– Дядюшка, позволь я...

– Терпение, Гай. Как ты смеешь, осел безмозглый, со мной препираться! Да знаешь ли ты, что за один только вот этот пирожок с кошачиной...

– С телячьей печенкой, сэр! Со свежей телячьей печенкой! Собираетесь вы платить или нет?!

– Как ты сказал?! Платить?! Да за эту отраву тебя, мерзавец, повесить мало!

– Полно, сэр, языком-то молоть! И на вас небось управа найдется! Заплатите-ка лучше...

– Что-о?! – раздался вдруг громopodobный окрик, и торговец, повиснув в трех футах над мостовой, потешно задрывал ногами. – С кем ты говоришь, падаль!

Какой-то дворянин, сидя на великолепном белом коне, левой рукой держал пирожника за шиворот, а правой – прикрывал от солнца глаза. Кудри непрошенного заступника пылали рыжим огнем, его нижняя губа презрительно отто-

пыривалась. С одного взгляда Том узнал вчерашнего силача, задавшего перцу разбойникам.

– Ну и ручища у вас! Медвежья лапа, сэр! – восхитился господин с острым носиком и вытянул барахтающегося торговца плеткой по заду.

– Только так с ними и надо, – одобрил дядюшка, беря с прилавка еще пирожок. – Только такой язык они и понимают.

Вокруг собиралась толпа зевак. Работая локтями, Том протиснулся в первые ряды. Толпа враждебно гудела, но господа, казалось, не обращали на нее никакого внимания.

– Позвольте представиться: Ричард Арп, к вашим услугам. – Учтиво прервав жевание, пожилой господин поклонился рыжему. – А это мой племянник Гай.

Остроносый племянник тоже поклонился и снова от души хлестнул пирожника. Замысловато выругавшись, тот отчаянно дернулся. Суконная куртка затрещала, и пирожник грохнулся наземь. В толпе засмеялись.

– И когда вы только все сдохнете, гады?! – завопил торговец и швырнул разодранную куртку в Арпа-старшего. – Пусть мои пирожки станут дерьмом в твоей глотке!

Смех в толпе усилился.

– Что-о?! – рявкнул рыжий дворянин с такой силой, что конь под ним испуганно заплясал. – Башку сниму, падаль! Этой вот самой рукой!

Поскольку «эта самая рука» успела уже внушить пирож-

нику почтение, он предпочел юркнуть в толпу, бросив товар на произвол дядюшки Арпа. Рыжий пустился вдогонку, но племянник Гай удержал его коня за повод.

– Черт с ним, он нам еще попадетсЯ. Ваше имя, сэр?

Приосанившись, рыжий гордо вздернул подбородок.

– Сэр Генри, герцог Эддинктонский. Честью клянусь, этот смутьян от меня не уйдет. – И, подняв коня на дыбы, казалось, собрался скакать прямо на зевак.

Том бросился к нему и ухватил за стремя.

– Как поживаете, благородный лорд? Ну и жарыща нынче, как по-вашему? О-о! Похоже, вы не узнаете старых знакомых? Стыдитесь, сэр!

От удивления у герцога даже челюсть отвисла. Толпа застыла в ожидании развязки. Господа Арп как-то одинаково вытянули шеи. Но тут, откуда ни возьмись, появился старый слуга и зашипел на Тома, трясЯ косматой сединой:

– Прочь, бродяга! Живо прочь!

– А, Фредди! – Том кинулся обнимать слугу. – Что ж ты, бездельник, не бережешь господина? Такое пекло, а он у тебя без шляпы. Ай-ай-ай, Фредди!

Возмущенный подобной фамильярностью, старик вырвался из объятий Тома. А герцог, устремляя взгляд то на одного из них, то на другого, растерянно бормотал:

– Как это?.. Что такое?

– Это, ваша милость, тот глимен, – прокричал слуга, – из вчерашнего трактира.

– Похоже, сэр, вы все забыли! – Том с вызовом повернулся к рыжему. – А ведь не приходи я вам вчера на помощь, ребята Длиннорукого Клема здорово бы вас пощипали!

– Ты?! Мне на помощь?! – взревел герцог. – Что ты мешешь, болван?! – Он поднял хлыст для удара.

Но слуга подскочил к нему и быстро заговорил вполголоса:

– Не гневайтесь на этого шута, ваша милость. Он кривляется, чтобы вызвать смех. Вранье дурня не умаляет вашу доблесть, но еще более подчеркивает ее. Пускай себе врет.

Рыжий наморщил лоб и рукояткой хлыста почесал затылок. Речь слуги, влетев в уши, с трудом пробиравалась к мозгу. Но вот герцог хмыкнул и расплылся в самодовольной улыбке.

– Ага! – подмигнул он Тому. – Теперь-то я тебя узнал. А сперва не узнал почему-то. Стало быть, это ты вчера меня вызволил?

– Черт возьми, сэр! – подмигнул ему в ответ Том. – Долго же вы вспоминали!

– Тем канальям намял бока тоже ты?

– Хвастать не в моей привычке, сэр. Но против правды не попрешь.

– Слышишь, Фредди?! Хвастать не в его привычке! – Рыжий оглушительно расхохотался. – Дай шиллинг благородному рыцарю.

Слуга бросил монету. Поймав ее, глимен в знак благодар-

ности сделал сальто в воздухе. Вокруг никто ничего не понял, но многие засмеялись. «Эта шельма, – шепнул племяннику Ричард Арп, кивая на Фредди, – вертит герцогом, как ему вздумается». – «Нам-то что за дело?» – отозвался Арп-младший.

Том поклонился меж тем рыжему и провел пальцем по струнам лютни.

– Не хотите ли, ваша милость, послушать про волка?

– На кой черт он мне сдался?

– Вот те раз! Вчера требовали – нынче отпираетесь!

– А-а... Это который заставил молиться коров и баранов? – хохотнул герцог. – Веселая песенка. Валяй прямо с того места.

И Том запел:

*Волк нагло множил свои грехи,
ославясь на целый свет.*

*И вот разгневались пастухи
и стали держать совет.*

*Они решили: «Свершится месть!
Нахальный бандит умрет!
Мы так всем скопом не можем есть,
как он в одиночку жрет!»*

*Стрелки сбежались из разных сел
под гулкий собачий лай.*

*И даже старый хромой осел
натужно ревел: хватай!*

*Семь тысяч стрел по кустам послав,
взъярились стрелки вконец,
Устроили сто пятьдесят облав,
а волк все таскал овец.*

*Стрелки с полгода взметали пыль,
обедавая по часам.
Кишки бараны – сто двадцать миль —
достались их верным псам.*

*И хоть бы вышел от ловли толк!
Жирели себе зато
охотники, псы, пастухи и волк,
и черт его знает кто.*

Внезапно раздался грохот опрокидываемых прилавков и бьющейся посуды. Послышались испуганные вопли, перемешанные с площадной руганью. Четверо всадников, остервенело орудуя хлыстами, напролом пробирались к господам Арп.

– Эй, Ричард! – заорал сиплым голосом одноглазый усач на гнедой кобыле. – Как поживаешь, скотина?!

Арп-старший выронил надкушенный пирожок.

– Ну-ну. Полегче, Дайсон... полегче, – забормотал он, пытаясь сохранить достоинство.

– Я те дам полегче! – Одноглазый показал ему жилистый кулак. – Когда вернешь долг, говори!

– Что с ним толковать, Мак? Врежь ему в морду, посоветовал румяный юнец, качающийся в седле.

Другие двое одобрительно мотнули головами. Все четверо были заметно пьяны.

Хватаясь за меч, Гай Арп закричал:

– Прикусите языки, наглецы! Вы превышаете нас числом, но не храбростью!

«Наглецы» гомерически захохотали.

– Как-как, птенчик?! – покатывался одноглазый. – Повтори-ка еще разок, и я подарю тебе мои старые штаны!

– Заткните глотки, черт бы вас драл! – потеряв терпение, гаркнул герцог. – Я желаю слушать про волка, а не вашу дурацкую перебранку! Продолжай, глимен!

Однако Том продолжать вовсе не собирался и опять подумал, что большей дубины, чем этот рыжий, ему встречать не доводилось. Похоже, разумней всего сейчас было уносить ноги. Но проклятое любопытство не пускало.

– Это что за гусь? – Одноглазый кивнул в сторону герцога. – Будешь мне указывать, мальчонка, оторву нос и к пупку приставлю!

Герцог, казалось, лишился дара речи. Изумленно приподняв брови, он дернул поводья и молча поехал на обидчика. А тот, ни мало не смущаясь, снял шляпу и принялся ею обмахиваться.

– Как только ты приблизишься, – ослабившись, произнес он, – Мак Дайсон разрубит тебя пополам. И каждая половинка будет рыжей.

– Уж кто-кто, а я, Мак, не осудил бы тебя за это, – сказал румяный юнец. Другие двое радостно заржали.

Губы герцога были плотно сжаты, глаза сузились до щелок, а кудри, словно языки пламени, трепетали на ветру. Его белый конь величественно выступал навстречу схватке. Но схватка не состоялась.

– Да знаешь ли ты, пьянчуга, с кем затеваешь ссору?! – возопил дядюшка Арп, оправившись от испуга. – Если ты хоть пальцем тронешь герцога Эддингтона, ни один меняла фартиंगा не даст за твою голову!

Имя герцога подействовало на одноглазого, как гром среди ясного неба.

– Ну и ну! – Он торопливо нахлобучил шляпу. – Чуть не вляпался в историю... Поехали, ребята! Эта ягодка зреет не для нас!

Дядюшка Арп, никак не ожидавший от своих слов подобного эффекта, решил наугад развить успех:

– Не думаю, Дайсон, чтобы твоя дерзость и на этот раз сошла тебе с рук!

– Попридержи язык, Ричард! Больно уж ты расхрабрился! – зловеще усмехнулся одноглазый. – Не вернешь долг – у меня разговор короткий. Ты знаешь. А ты, мальчонка, – обратился он к герцогу, – моли Бога за сэра Роджера. Он

велел мне тебя разыскать и вежливо, очень вежливо, предупредить: не вздумай соваться в Блюкастл. Не то сэр Роджер крепко на тебя осерчает, и мы поговорим уже по-другому.

Герцог удивленно приоткрыл рот, и, наморщив лоб, тщетно пытался сообразить, что все это значит. А четверо всадников развернулись и так же напролом поскакали прочь.

Румяный юнец, подстрекавший Дайсона, зацепил лоток Бетси. Колбасы полетели в нагретую солнцем пыль. От обиды и злости у торговки выступили на глазах слезы, и вслед юнцу понеслись сочные проклятия, в которых упоминалась вся его родня – начиная с прабабки и кончая будущими отпрысками. Увидев раздавленную копытом колбасу, Том пришел в такую ярость, что схватил увесистый булыжник и с криком «не унывай, Бетси!» швырнул его в удаляющегося разорителя. Тот каким-то чудом пригнулся, и камень просвистел над его макушкой. Но в этот момент сам Том получил сокрушительный удар по голове. Потеряв сознание, глимен рухнул на мостовую. «Рвань паршивая!» – процедил сквозь зубы один из всадников и вытер о штанину рукоять хлыста. Заставив коня переступить через распростертое тело Тома, он пустился догонять приятелей.

Лишь только эти четверо скрылись за ближайшим поворотом, герцог будто очнулся.

– А-а! – взревел он раненый зверем и дал шпоры коню. – Не уйдешь, падаль!

Однако посчитаться с Маком Дайсоном нынче ему сужде-

но не было: не проскакал он и половины базарной площади, как под ноги коню метнулось странное существо в пестрых лохмотьях и костлявыми руками ухватило герцога за сапог. Конь встал как вкопанный.

– Опомнись, безумец, послушайся Розу! – сморщенное лицо, обращенное к герцогу, выражало страстную мольбу. – Ты не сладишь, не выдержишь... Тебе ничего нельзя. Роза хорошо знает. О, как ты слеп! Опомнись!

Герцог вздрогнул и побледнел.

– Прочь с дороги, ведьма, – пробормотал он, отталкивая старуху. – Будь ты хоть сам дьявол – прочь!

– Ты боишься, храбрец, боишься. Отступись: ты не сладишь. О, безумец! Не Розы ты должен бояться. Бойся девушки и горбуна! – Нищенка вдруг что-то запела и закружилась на месте.

Герцог хлестнул коня и помчался, очевидно, не разбирая дороги. Его слуга Фредди верхом на ободранной кляче затрусил следом. На ходу старик несколько раз оборачивался и пристально всматривался в нищенку.

Глава IV. Скверные новости

Том ощущал, как по его щеке ползет любопытная муха. Достигнув подбородка, она чуть поразмыслила и побежала вниз по шее. Но, видимо, не найдя там ничего примечательного, повернула назад и бодро двинулась к носу. «Похоже, – подумал Том, – и среди мух попадаются глимены.» А муха, основательно изучив окрестности, решительно заглянула в ноздрю.

Том чихнул и открыл глаза. Он лежал на узкой кровати в чистенькой каморке, освещенной багровым закатным лучом. Голова побаливала. Осторожно ее потрогав, Том нащупал повязку и тут же почувствовал на пальцах душистый травяной запах. Кроме кровати, он увидел в каморке столик, стул и свои истоптанные башмаки. Из маленького окошка доносилась визгливая бабья перебранка. Том сел и свесил ноги на пол. Это движение тупой болью отозвалось в голове. В комнатке одна против другой располагались две плотно прикрытые двери. Пока глимен прикидывал, в которую из них сунуться раньше, за той дверью, что была от него слева, слышался оживленный разговор. Едва успев юркнуть на кровать, Том предусмотрительно зажмурился. Дверь бесшумно отворилась, и вошли двое.

– Итак, мэтр, теперь вы на верном пути? – спросил некто бархатным баритоном.

– Мне ведом лишь один верный путь, милорд: это путь к могиле, – ответил скрипуче-каркающий голос, который Том не мог бы спутать ни с каким другим.

– Ну уж туда-то нам, полагаю, не следует слишком торопиться, – усмехнулся баритон. – Или мудрецы судят иначе?

– Мудрецы не ищут смерти и не дрожат перед ней. Они выполняют свое предназначение, сэр, а в остальном полагаются на Господа.

– С вами приятно беседовать, святой отец. Ваши речи омывают душу, как... Словом, омывают – и слава Богу. Однако, надеюсь, ваши опыты принесут плоды в самое ближайшее время. А то, знаете ли, о вас ходят слухи. И мне будет жаль, если вас сожгут как колдуна.

– Вы мне угрожаете, милорд? – в каркающем голосе прозвучали насмешливые нотки.

– О мэтр, вас посетила воистину странная мысль. Кстати, забыл спросить: что это за дитя Господне валяется на вашей кровати?

– Это бродячий шут, милорд. Он кривляется перед толпой за гроши. И вот на днях ему смеха ради проломили голову.

– Ах, бедняжка. Чернь удивительно тупа и жестока. Однако, надеюсь, в его ремесле отсутствие головы не грозит потерей заработка?

– Однако, сэр Роджер, – гневно проскрипел святой отец, – говорят, над ним потрудились ваши люди!

– Вот как? Ну что ж, тогда он, вероятно, встанет не ско-

ро. Ах да, мэтр! Примите сию скромную лепту. И удвойте, учетверите рвение. Долго ждать я не могу.

– Повторяю, милорд: я не обещаю.

– Разве я требую обещаний? Я нуждаюсь в золоте, а не в обещаниях. И покамест плачу за ваше эфемерное золото золотом настоящим. Будь вы дьяволом, святой отец, я без колебаний продал бы вам душу. Но для алхимика душа – не товар, не так ли?

– На месте дьявола, сэр, я за вашу душу не дал бы ни фар-тинга. Нечистый вовсе не такой дурень, чтоб платить за то, что ему и так принадлежит по праву.

Баритон рассмеялся.

– Да вы шутник, оказывается! Это делает нашу беседу еще более занятой. Должен вам заметить, что душа моя кое-какую цену все же имеет. Хотя бы благодаря моей родословной. Впрочем, теперь все идет вверх тормашками. Горбун Фаулер, например, отхватил у короля дворянство и титул в один момент. И вот, полюбуйте, бывший ростовщик нагло торгует замками. Всюду золото, мэтр, всюду! Так что поторопитесь с этим вашим философским камнем. Я скоро вас опять навещу. Нет-нет, не провожайте!

Дверь отворилась и тихо закрылась. Том лежал не шелохнувшись.

– Меня трудно провести, парень, – проскрипел голос святого отца. – В твоём положении больше пристало подслушивать, нежели подглядывать.

Открыв глаза, Том подмигнул маленькому лысому монаху.

– Вы оба, отче, так неудачно встали, что я все равно ни шиша не увидел.

– Уж слишком ты старался. – Едва заметно улыбаясь, монах что-то помешивал в глиняной кружке. – Небось, из-за этой своей любознательности ты и схлопотал по мозгам.

Том вздохнул и потрогал повязку.

– Как я здесь очутился, отче? – спросил он после молчания.

– На, выпей, парень. – Монах протянул ему кружку. – Повторяю на тот случай, если тебе отшибло память: меня зовут Сэм.

– А почему ты знаешь, – глимэн приподнялся на локтях, – что меня угостили молодцы этого... ну, с которым ты сейчас разговаривал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.